

Ирина
Карпинос

Из логова
Змиева

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 82-3
ББК 84(4Укр)6
К26

Карпинос И.

К26 Из логова змиева / И. Карпинос. — СПб. : Алетейя, 2011. — 188 с. — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы).

ISBN 978-5-91419-436-6

Новая книга Ирины Карпинос — о выживаемости русской культуры в экстремальные времена. Киев ли это, Москва, Санкт-Петербург или Сан-Франциско — герои Ирины Карпинос живут под высоким напряжением, превращая жизнь в творчество, быт в бытие.

Повесть «Из логова змиева» — трагифарсовая история любви киевской поэтессы и питерского музыканта на фоне перестройки, распада Союза и постсоветской смуты. «Соло на киноленте» — гротескное повествование о том, как в наше время снимается кино. «Гастролёрка» — повесть о «русской Америке», куда героиня отправляется с концертами. Новелла «Китежанка» — фантазмагория на тему Серебряного века, главные герои — Ахматова и Гумилев.

Читателю предоставляется возможность поразмышлять, погрузиться, посмеяться до слёз и сквозь слёзы. Терпкий джазовый сарказм, сплав иронии и лирики — таков стиль прозы Ирины Карпинос.

УДК 82-3
ББК 84(4Укр)6

ISBN 978-5-91419-436-6

9 785914 194366

© И. Карпинос, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

ИЗ ЛОГОВА ЗМИЕВА

– Это я, Господи, – шепчет она в прокуренном тамбуре. – Ты слышишь меня, Господи? Который уже год я не могу выйти с тобой на связь. Ну кто Тебя просил засылать меня в этот поганый мир? Ты выгнал меня из рая и бросил на произвол судьбы. И, похоже, не дал в сопровождающие даже ангела-хранителя. Я выплакала все слезы, Господи! Я пробила лбом стены всех сортиров, хибар и дворцов и вырвалась в безвоздушное пространство. Ну заведи меня отсюда или пришли хотя бы гуманитарную помощь! Моя душа от голода превратилась в дистрофика. Ты раньше подкармливал ее стихами, а теперь не бросаешь в миску даже обглоданную кость хоть какого-нибудь творчества. Меня замучила эта душа-наркоманка, которая не может функционировать самостоятельно, без постоянной адреналиновой подпитки. Она требует все новых и новых доз любви, она ненасытна, как сорок тысяч братьев никогда не существовавшего Вильяма нашего Шекспира...

Я невольно услышала этот отчаянный монолог, когда вышла покурить. И, тихо прикрыв тамбурную дверь, вернулась в купе. С моей коллегой Сашей Анчаровой мы ехали в Питер. Знакомы были давно, но как-то шапочно. Хотя линии наших судеб были поразительно похожи, до поры до времени они не пересекались. И вдруг в этой поездке выяснилось, что у нас есть общие друзья, общий институт, похожие постперестроечные профессии и жизненные предпочтения. Может быть, поэтому Саша доверила именно мне свою историю, хотя могла бы и сама воспроизвести ее изящными росчерками пера. Но попросила об этом меня, и я выполняю обещание, не комментируя и не корректируя услышанное от нее в ту ночь под стук не на шутку сбрендивших колес.

– Знаешь, – сказала Саша, зайдя в купе, – я только что в тамбуре пыталась молиться. У меня опять ничего не получилось. Может, запишешь историю моей жизни, вернее, ту часть айсберга, которая спрятана под водой? Кусок, торчащий наверху, мне и самой неинтересен.

Я неопределенно кивнула (до Питера оставалась еще целая ночь пути) и, достав из «кустов» диктофон, приготовилась слушать.

– Впервые в этот город на болотах я попала, когда мне было 15 лет. Мы проехали на «Волге» весь путь от Киева до Прибалтики и через враждебную Эстонию двинулись на Ленинград. Отец за рулем, мама справа от руля и мы с малолетним братом сзади. Я обожала эти автомобильные путешествия по необъятному Союзу. Ветер дул в лицо, незнакомые домашние животные мирно паслись на лугах, пахло скошенной травой и сладким дымом отечества. И сногшибательно кружилась голова от всепоглощающего, пьянящего до одури предвкушения долгой и, кто бы сомневался, счастливой жизни. Детство свое я категорически отказывалась считать счастливым и скорое избавление от него приравнивала к обретению долгожданного взрослого суперсчастья. Отец за рулем не пил и, пребывая в благодушном состоянии до первых дорожных неурядиц, повторял, как заклинание: «Машина наша – дом с колесами». Прожив в машине до 17 лет, я стала вскарабкиваться на третьи полки общих вагонов и навсегда затосковала по собственному автомобилю. Чтобы ветер в лицо, чтобы дальняя дорога, ночевки в кемпингах, низкие летние звезды над малахольной головой и, главное, то самое предвкушение сокрушительного счастья...

Взрослая жизнь обрушилась на меня пьянками в компаниях однообразных недоносков. Они спокойно наблюдали, как я с рюмкой в одной руке и сигаретой в другой сидела на перилах балконов, не придавая значения высоте этажа. Диапазон этажности был приблизительно от четвертого до тринадцатого. Высшим пилотажем считалось расположиться вдоль жердочки перил, элегантно возложив ногу на ногу, поскольку две ноги на таком пространстве не умещались. Одно неверное движение – и вы на асфальте. Через много лет это подтвердила бедная Ника Турбина. Но во времена моей юности Господь Бог еще находился рядом. Наверное, Он меня тогда любил и не хотел, чтобы я рухнула с перил раньше назначенного часа. Он чего-то ждал от меня, но, похоже, так и не дождался. Я даже не заметила того момента, когда стала Ему не нужна.

Конечно, этой жизнью на перилах дирижировала романтическая любовь. Ублюдочная, кособокая, совсем не схожая с той, что рисовалась в предвкушении суперсчастья, но все-таки любовь. Молодой человек проживал в соседнем доме на нашей элитной Никольско-

Ботанической улице и носил дурацкую фамилию Чижмаков. Я заканчивала 10-й класс, а ему уже перевалило за 19, и он состоял в бойфрендах моей близкой подруги. Был он весьма невзрачным экземпляром, но не без пижонства, и одна из пижонских причуд заключалась в том, что он продал свой скелет, о чем свидетельствовал лиловый штамп в паспорте. 60 рублей, полученные за этот неординарный поступок, мы благополучно пропили на даче подруги. В общем, подруга-подругой, а влюбилась я не на шутку. Несмотря на некоторый опыт телесного общения с противоположным полом, я искренне считала व्यюношу с проданным скелетом своей первой любовью и как-то не сомневалась в том, что рано или поздно он откликнется на мой немой призыв. Что и произошло через пару месяцев. Я очень гордилась тем, что первая любовь и первый любовник персонифицировались в одном лице. Это было к тому же первое, но уже пародийное, исполнение заветного желания. Но самое смешное, что в свои 16-17 я производила впечатление такой оторвы, какой и в помыслах не была. Дочка известного, но пьющего ученого, мечтательная психопатка, я с таким упоением играла подворотню-приворотную роль, что не нашлось во всей округе ни одного заваливавшегося Станиславского, чтобы гаркнуть: не верю! Через три года с хвостиком мой горе-любовник с изумлением слушал запоздалое признание в том, что именно он был первооткрывателем в моей эротической жизни. Судя по его реакции, он так и не поверил в это. Зато я поверила в себя как в актрису. Хотя при чем здесь актерство? Это была просто природная особенность умопомрачительно, от верхних слоев кожи до всяческих глубин, в том числе и душевных, растворяться в любимом на данный исторический момент мужчине. Расставаясь без малейшего сожаления с коротким школьным девичеством, я воспринималась своим худосочным принцем как бывалая смаковательница абсента и изощренных брачных игр. Он так ничего и не понял, бедняга... Потом этих принцев из подворотни было много, больше, чем хотелось бы оставить в замусоренной памяти. Все они исчезали из моей жизни, как только выключалась лампочка в душе, и принц превращался в обычного мелкого грызуна. Ничего не объясняя, я вытряхивала грызуна из алькова к его неподдельному изумлению, поскольку каждый из них очень быстро привыкал к паразитической мысли, что его будут любить до гроба.

Это продолжалось до тех пор, пока не наступил год активного солнца. Я была уже замужней двадцати-с-чем-то-летней дамой с малым